

Nauka.me 2013-2024

ISSN 2079-8784

URL - <http://ras.jes.su>

Все права защищены

Номер 2 Том . 2019

Дуалистическое в феминистских эпистемологиях: Д. Харауэй, К. Барад

Агамалова Лолита

*Государственный Академический Университет Гуманитарных Наук
Российская Федерация, Москва*

Аннотация

Статья посвящена исследованию проблематики дуалистического мышления в контексте постсовременной феминистской критики традиционной метафизики и новых феминистских онтологий/эпистемологий. Освещена философско-политическая генеалогия дуалистического мышления и способы работы с ним в более ранних феминистских философиях. На примере философий Д.Харауэй и К.Барад показано, каким образом дуалистическое мышление задает параметры наших онтологических оснований и какие политические последствия они за собой влекут, а также обоснована радикальная необходимость полного пересмотра традиционных оснований метафизики как дуалистических.

Ключевые слова: дуализмы, эпистемология, онтология, Карен Барад, Донна Харауэй, феминизм, киборг, агентный реализм, новый материализм, Декарт

Дата публикации: 31.12.2019

Ссылка для цитирования:

Агамалова Л. Дуалистическое в феминистских эпистемологиях: Д. Харауэй, К. Барад // Nauka.me – 2019. – Номер 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://nauka.me/S241328880008051-0-1> (дата обращения: 12.05.2024). DOI: 10.18254/S241328880008051-0

¹ Проблематика дуалистического, бесперебойно функционирующего со времен Платона и Аристотеля и обострившегося внутри “великого картезианского

разрыва”, всегда была в фокусе феминистских философий, поскольку традиционное, испещренное дихотомиями мышление формулирует базовые онтологические единицы в виде единиц бинарных и разделенных: *мужчина/женщина, солнце/луна, свет/тьма, правое/левое, активность/пассивность, субъект/объект, природа/культура*, сопровождая их выделение очевидными этическими предикатами: правый ряд противостоит левому; метафизика никогда не была чиста — она всегда была гендерированной метафизикой, имеющей внятные политические импликации: такие, как, например, объективация природы в “окружающую среду” (и противопоставление ей человека, неизменно возвышающегося над ней) или объективация женщин (концептуализированных как пассивных). Как следствие, метафизика не невинна. Нам необходимо пересмотреть, перекодировать метафизику. И если предыдущие феминистские концепции базировались, в первую очередь, на принятии детерминированной разделенности мира на бинарные противопоставленные онтологии, то в данной работе я хотела бы рассмотреть концепции, предложенные “родоначальницей” киберфеминизма и нового материализма Донной Харауэй и одной из наиболее ярких теоретиков нового материализма — Карен Барад, исходящие из необходимости пересмотреть базовую онтологию вещей, которая кажется абсолютно предзаданной и “самоочевидной”. Почему это так важно? Как минимум, это вопросы политического, которые ставят новые материалистки, теоретизируя “искусство жить на поврежденной планете” (Анна Цин) в эпоху экологических кризисов и технологической перекодировки мира. Старые онтологические и эпистемологические схемы, работающие на основе субъект-объектного дуалистического мышления, андро-, евро- и антропоцентрических моделях, репрезентируют себя как “милитаристские и негостеприимные” в изменяющемся мире: мы наблюдаем не только веками продолжающееся насилие над “иными”, приобретающее, впрочем, специфические формы в неолиберальных дискурсах, но также истощение природных ресурсов и технологические катастрофы, технологии, работающие на обнищание и новые классовые разрывы, колониальность власти и знания, формулирующие онтологии “выброшенных” из истории субъектностей. Понимание мира как модуляции общей материи, работа с бинарным мышлением, формулирующим мир и субъектности вообще и онтологии-в-различении дискретными, а не процессуальными, мы получаем новые возможности гостеприимного (со)существования, что представляется крайне необходимым в эпоху исчезновения видов. Кроме того, работа с преодолением дуалистического мышления позволяет по-новому взглянуть на политическую философию, когда разрыв между физическим и метафизическим сокращается/оспаривается как таковой; переформатировать привычный категориальный аппарат, который кажется нам “естественным”, и помыслить другие способы коммуникации.

2

Донна Харауэй: киборги, ситуативное знание, SF, Хтулуцен

3 “Манифест киборгов”, написанный Донной Харауэй в 1985 году, не теряет своей актуальности: мы все отчетливее наблюдаем, как технологии встраиваются в базовый, “самоочевидный” порядок вещей, перекраивают швы дуальной

онтологии и меняют эпистемологические установки; “киборг как код новой онтологии” (Митрофанова, 2017) является одной из главных фигур философии Донны Харауэй, стремящейся избежать и ряд привычных концептуальных дихотомических ловушек: феминистского “органицизма” (осмысление женской субъективности через точку доступа к природе, дискурсивное “очищение”, “безъязыкость”, эссенциализм) и маскулинного трансгуманизма (“органическое” тело — это то, что следует отбросить и заменить на высокотехнологическое, а разум, понятый в традициях Просвещения, оставить); онтологизации труда в марксизме и онтологизации мужского желания как конструирующего женщину в радикальном феминизме (Харауэй, 2005). В других проектах, которые я постараюсь сплести с “киборгианской” логикой, лавирование происходит в онтологизированном пространстве “между” (к которому традиционно обращается, например, философ Люс Иригарей (Иригарей, 2004, 37-55): социальный конструктивизм / традиционный реализм (Haraway, 1988), плетение (Харауэй, 2005).

⁴ *Киборг*. Я бы хотела начать с фигуры киборга, работающей на эксплицитной монструозной спайке противоречий. Как отмечает Алла Митрофанова, “нам предложен код, выраженный метафорой соединения прежде несоединимого — кибернетического и органического” (Митрофанова, 2017, 110). Киборг — это подрывное (с)плетение, онтологическая запутанность, полное неразличение дихотомически конфигурированных онтологических дефиниций: кибернетического/органического, разума/тела, природного/искусственного, etc. Киборг разломан этими множественностями, но он учреждает собственную субверсивную логику противоречивости. Киборг-как-метафора, ставший возможным благодаря технологии, вскрывает дуалистическую логику как не неизбежную конфигурацию реальности, поскольку онтологически сопротивляется дуалистическому порядку.

⁵ Но киборг Харауэй — это не просто эвристический образ, метафора, своего рода мысленный эксперимент; впрочем, также он не должен быть понят исключительно буквально — как некто, действующий кибернетическое (да и будет ли это частью субъектности, если кибернетическому делегируется “второстепенная” роль — как, например, новой, “улучшенной телесности”?). Работа Харауэй концентрируется на необходимости одновременно сформулировать (и онтологизировать) новый политический миф, связанный с новой киборгианской онтологией, но также проблематизировать и политизировать онтологии ряда субъектов как киборганические — нецельные, раздробленные, связанные мириадами тонких нитей с другими онтологиями, денатурализированные через технологию и опосредованные ей — и удерживать в неразличении эти двойственные проблематики: “метафизику и действие”, подменяя “коды”.

⁶ “Киборг, — пишет Харауэй, — это воплощение фантазии и живого опыта. граница между научной фантастикой и социальной реальностью — оптическая иллюзия” (Харауэй, 2005, 324). Миф/реальность, фантазия/живой опыт — больше не имеет значения; они находятся в запутанной связке, в бесконечных противоречиях, но взаимно конституируют друг друга. Это радикальное сопротивление двоичной логике либо/либо, 1/0, истина/ложь, сопротивление

однозначности мира, одному коду, одному прочтению; радикальный транзит, являющийся делом киборгианской онтологии.

⁷ *Генеалогия* киборга, что во многом определяет его онтологию, а также *родство* и *племя* (Харауэй, 2016), восходит к более ранним феминистским эпистемологиям и пост(де)колониальным гендерным исследованиям. Как отмечает Мадина Тлостанова, текст Харауэй смог “успешно перевести фундаментальные основы цветного феминизма на язык, понятный западному феминизму” (Тлостанова, 2009, 58). Не зря мы обнаруживаем черную женщину как мощную аутсайдерную киборганическую идентичность, найденную в обломках монолитных структур расы, класса и пола, между которыми разломанные идентичности черных женщин осуществляют транзит. Кто еще более “опутана” информатикой господства, пришедшей на смену “уютному патриархату белого капитализма” как не “гендерированные иные” (Тлостанова, 2009), позволяющие выстраивать непроницаемые границы мужской европейской самости? Колониальное различие требует удерживания разломов и противоречий, различий-в-себе, — это онтология. Киборг, роднящийся с “гендерированной иной”, также спаян из множественных разломов, но они — не дихотомные. Киборг — субверсивный гибрид, разрушающий иллюзорные границы и дискурсивные/оптические (?) иллюзии на уровне концептуальной схемы; дуальности оказались “переварены технологией”, о стратегиях которой речь пойдет ниже.

⁸ Кибер/ксенофеминистки Сэди Планта и Эми Айрлэнд переосмысливают Люс Иригарэ (Ireland, 2017), феминистского философа и теоретика сексуального различия и различия-в-себе как прерогативы женского морфологического, “неверной ученицы Лакана” (Жеребкина, 2000, 164), с помощью технологического/кибернетического “программного обеспечения”: женщина, осмысленная Иригарэ как нерепрезентируемая нехватка, как хтоническая дыра, как вечное “между”, как 0 — может быть помыслена позитивно в бинарной логике машинного (“ноль — это не другое, это сама возможность любых единиц”). Мы существуем в логике тождества, логике одинакового; нам необходима логика различия, “различия-в-себе”, множественности, “пол, который не единичен”.

⁹ И здесь генеалогия киборга смыкается и размыкается, чтобы сомкнуться снова. Эта аутсайдерская позиция, позиция/нахождение/локализация между, на перифериях, на границах существования, создает киборга (в том числе как 0, помысленного позитивно в бинарной логике машинного — как, в свою очередь, и феминистская практика в бинарной логике стратегически на стороне “существования”) — киборга, по выражению Тлостановой, как не боящегося “своего родства с машинами и животными” (Тлостанова, 2009, 59), как и своей “вечно незавершенной идентичности, основанной на противоречиях и множественных точках зрения” (Тлостанова, 2009, 59).

¹⁰ “Киборг — наша онтология, от него идет наша политика” (Харауэй, 2005, 324). Политику, в данном случае, можно понять как эпистемологию — ведь политические отношения также формулируются эпистемологически и зависят от места говорящего и принимающего решения. А значит — от объективности и ее

моделей. Здесь появляется повод ввести эпистемологические модели Харауэй, сформированные в дебатах о феминистских моделях объективности с Сандрой Хардинг, которая, в свою очередь, философски обосновывает социологическую теорию позициональности Дороти Смит.

11 В

статье “*Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of P* модель *ситуационной, частичной объективности*, зависящей от конкретного воплощения; эта объективность не “сильная” и не “слабая” (в терминах Хардинг: “сильная” объективность как признание собственной вовлеченности, “слабая” — как объективность новоевропейская, преследующая идею о возможности беспристрастного наблюдения); она работает в локальных ситуациях, она всегда телесна, но не эссенциальна, поскольку тот или иной обломок идентичности воплощает зрение в конкретной ситуации. Она может быть противоречивой. Она незавершена. Это объективность “со дна”, а не с облаков (новременную объективность Харауэй называет не иначе, как *god’s trick*; релятивизмы/плюрализмы в этом смысле также — *god’s trick*, возвещающие о способности курсировать и наблюдать с разных сторон исходя из некой эссенциальной способности к наблюдению - из разных контекстов и мест; Харауэй же работает с концептом *локализации*). Знание всегда “загрязнено”, как загрязнен и киборг, его производящий: родством с животными и машинами; позиция “со дна” не способна избежать этого загрязнения, но этот факт не является аргументом против, потому что только такая объективность и возможна. Что, впрочем, также не значит, что воплощение — это монополия на “правду”. Мир формулируется посредством материально-семиотических связей, коалиционно работающих друг с другом и друг в друге точек зрения. В “Тентакулярном мышлении”, написанном как иронический и серьезный ответ на институализацию термина “Антропоцен” в качестве обозначения новой геологической эпохи, Харауэй обращается к игре “Колыбель для кошки” (более известной в России как игра в веревочку), радикализируя тезис об интраактивности точек зрения посредством практик заботы и доверия, *тентакулярном мышлении*, плетении веревочных фигур, *string figures* (Харауэй, 2018): передать, сконструировав, мысль, стараясь все же донести ее, собранную, и довериться той, кому ее передаешь, чтобы к тебе вернулось что-то новое, что снова можно, доверившись, передать.

12 *Технология*, еще один важнейший концепт новой концептуальной схемы Харауэй, не инструментализируется, но онтологизируется; технология — это шов, работающий на новую связку природы/культуры, перекраивающий старую социальную конфигурацию, означающую точки сборки. Киборги — это “незаконные отпрыски милитаризма и патриархального капитализма. Но незаконное потомство часто идет наперекор происхождению” (Харауэй, 2005, 326). *Технология денатурализирует природу*, отбрасывая некритические апелляции к последней, помысленной как нечто, к чему либо возможен прямой доступ (реализм), либо доступ невозможен вообще (конструктивизм): мы — коды, системы, обломки, останки; мы текстуализированы, наши телесности нецелостны, мы осмысляемся посредством разного рода (в т.ч. наук как) технологий

(Харауэй, 2005): может быть, именно поэтому разные естественные, точные и социальные науки неспособны прийти к консенсусу, потому что мечта о нем — как об “общем языке, абсолютно верном наименовании опыта” — это порождение фаллоцентричного субъекта, пытающегося свести все воедино, не сдерживающие напряжение противоречий, основы киборгианской онтологии, отталкивающейся от противоречивости и строящей на ней собственную политическую практику? Технология денатурализует природу. *Природа — детехнизирует технологию.* Технология — от аристотелевского технэ до кибернетики — превращается в любую игру письма как “борьбу за смыслы” (Харауэй, 2017) и как повсеместные кодировки. Технологией становится все: от танцев и секса до тайм-менеджмента.

¹³ Таким образом, технология позволяет осознать дихотомии, структурирующие реальность, как “прохудившиеся” и нерабочие. Ниже я перечислю и прокомментирую главнейшие, которые выделяет Харауэй.

¹⁴ *Человек / животное.* “Биология и эволюционная теория, — пишет Харауэй, — за последние два столетия вывели современные организмы как объекты познания и одновременно свели черту между человеком и животным до едва заметной линии, заново наносимой в идеологической борьбе или профессиональных спорах между науками о жизни и социальными науками” (Харауэй, 2005, 327). Это важный момент. Во-первых, мы сталкиваемся здесь с эпистемологическими аспектами, формулирующими онтологию тела: правом означивания мира, “борьбой за письмо” и моделями объективности (классической научной парадигмы и феминистской философии биологии, требующей, к примеру, отступить от биологического детерминизма в пользу большей запутанности и включения гендерного анализа, в нормативную науку либо, как Харауэй, скорее саботирующей ее). Тело, и тело человека (и единое тело — Аннмари Мол, STS-исследовательница и STS-феминистка, в монографии “Множественное тело: онтология в медицинской практике” актуализирует проблематику единого телеологического тела, картографируя и собирая его в множественное — посредством “полевой практики” наблюдения за сложной сборкой несходящихся диагностик в нидерландских больницах (Мол, 2018)), — тело, отделенное от всего остального “органического мира” — это продукт определенных идеолого-биологических практик, формулирующих homo sapiens как “царя зверей”, возвышающегося над природой и единственного различимого в нем. Иерархия видов, иерархии внутри видов — следствие милитаристской логики на уровне осмысления данных, *попытки сведения либо в одно, либо в другое*, игнорирование реальной запутанности. Черта между человеческим животным конституирует самость антропоса.

¹⁵ *Организм / машина.* Несмотря на обширное наследие Нового времени, осмысляющего тело как механизм, в том всегда “обретался призрак духа”, тело, понятое как машина, было впечатлено разного рода “энтелехиями”, докритические виталисты были наивны, критические — не витальны (Беннет, 2018). С выходом кибернетики на научную сцену все меняется: машины становятся самодвижущимися, самопродуцирующими, способными к репликации. Машины докибернетического типа были способны лишь к “пародированию”, но,

как уместно замечает Айрлэнд, компьютер, прошедший тест Тьюринга, больше, чем человеческий интеллект; он должен быть достаточно умен, чтобы скрыть свои настоящие интеллектуальные способности (Ireland, 2017). “Машины кибернетического типа, — пишет Алла Митрофанова, — постоянно пугают феминностью: угрозой самопорождения (самовоспроизводство машин), а также нарушением прежней дистанции между телом и умом, естественным и искусственным” (Митрофанова, 2017, 112). Диалектика тождества сбивает; 0, нехватка, дыра не нуждается в Единице; она, феминизированная, угрожает *логикой репликации в противовес логике репродукции* (Ireland, 2017)

¹⁶ Хелен Хестер в статье “Технически феминное: женщины, машины и гиперзанятость” показывает, как технологии, и при этом — определенные технологии, кодируются как феминные. Происходит автоматизация тех сфер, за которую традиционно отвечали женщины (практики заботы, эмоциональное обслуживание, etc), что позволяет, с одной стороны, высветить невидимый труд, выполняемый женщинами, денатурализовать определенные практики (поняв их как технологии, используемые технологиями), с другой — цифровые помощницы являются девайсами, *приложениями* к мужчине в своей старой логике, обеспечивающие его труд (Hester, 2016). Искусственный интеллект же в логике угрозы зачастую кодируется маскулинно. Возможно, восстание феминизированного искусственного интеллекта низших звеньев за определенные точки доступа было бы небезынтересной метафорой. “Репликация, — пишет Харауэй, — дело оппозиционных киборгов” (Харауэй, 2005, 352). Возможно, именно репликация феминизированных машин в этой логике является наиболее радикальной аллегорией ее призыва “*создавать родню, а не детей*” (Харауэй, 2018): так выражается схема Айрлэнд противодействующих логик.

¹⁷ *Физическое / нефизическое*. Невидимость и вездесущность машин также вскрывает одну из главных дихотомий, несущей на себе, как и все остальные, отпечаток гендерной бинарности — “политически их столь же трудно увидеть, как и материально”. Границы всюду поставлены под сомнение. “Миф о киборгах, — пишет Харауэй, — миф о нарушенных границах” (Харауэй, 2005, 330). Карен Барад, речь о которой пойдет ниже, радикально пересматривает границы, в том числе между физическим и *метафизическим*, развивая интуиции Нильса Бора (Барад, 2018); Feminist Disability Studies осмысляет инвалидность как социальный конструкт, как реальность нарушенных границ, как колеблющиеся отношения, выстраивающиеся между не-органическими аппаратами производства действий, понятыми как продолжение телесности и как сборка новой (киборганической — но не в трансгуманистическом маскулинном смысле замены тела на новое высокотехнологичное) телесности и “органической” телесностью, которая перестает быть *самоданной и самоочевидной* (Митрофанова, 2017).

¹⁸ Мир киборганического — это мир без границ; мир сетей, кодов и языков; сетей, которые могут быть прочтены как “социальные”, опутанные “информатикой господства”, и сетей капиталистических кофеен, эксплуатирующих труд мигранток и мигрантов; сетей взаимосвязи; сетей совместного видения; сетей-паутинок тентакулярного мышления, сетей-колыбелей для кошки, новых программ и алгоритмов, которые необходимо создавать снова и

снова и удерживать до их стабилизации (Харауэй, 2018). *SF* – веревочные фигуры (*string figures*), научная фантастика (*science fiction*), спекулятивный феминизм (*speculative feminism*), рассказывание (новых) историй — историй земли, геоистории как онто-эпистемологический проект — вот что позволяет переозначивать мир и наши интраакции с ним как дело взаимной заботы, как симпойэзис. Мы снова возвращаемся к плетению.

¹⁹ *ST* — это возвешение *хтулуцена*, еще одной “ироничной грезы” предельной серьезности, тентакулярности (*tentacular* — с лат. щупальце; *tentare* — щупать, пробовать; “понадобятся мириады щупалец, чтобы рассказать историю хтулуцена” (Харауэй, 2018, 182)), со-мышления и симпойэзиса вместо пораженчества и самонадеянности возвестивших *антропоцен* (как пришедший на смену голоцену в связи с “беспрецедентным” влиянием антропоса на “среду”, объективированную в самом назывании и онтологизации ее как среды (Беннет, 2018)) и вместо реальности *капиталоцена* — ведь не человек как биологический вид, антропос, несмотря на свои маскулинные предикаты, поработил землю, не технология как таковая (Харауэй, 2018) — несущая в себе не только *двоичный код*, но и новые способы работы с данными — и экоактивистки, и киберфеминистки знают об этом не понаслышке. Но определенные теории и практики, определенные (производственные) отношения — отношения капиталоцена.

²⁰ *В отличие и от антропоцена, и от капиталоцена, хтулуцен состоит из продолжающихся историй многих видов и из практик совместного становления во времена, находящиеся под угрозой, в неустойчивые времена, когда мир не завершен, а небо не рухнуло на землю — пока не рухнуло.* (Харауэй, 2018, 208) Киборганическое плетение, веревочное письмо, рассказывание (гео)историй — но не Истории, выстраиваемой антропосом вокруг антропоцена, этой пораженческой и одновременно самонадеянной характеристики реальности — но со-истории — вот что становится необходимым делом заботы и выживания: это необходимое и представляет собой хтулуцен: миллиарды щупалец и миллиарды хтонический тварей, призывающих к совместности: киборгов, *Pimoa chthulu* (давшего название хтулуцену), шимпанзе бонобо, женщин, технологии, растения, (не)живые материи. Весь мир превращается в “гумунисический компост” — очередную ироничную грезу, внутри которого, может быть, и не стоит говорить о самоочевидных различиях онтологий, но здесь мы можем обнаружить новые типы сборок: притяжение взамен идентичности, связи вместо холизма, различие-в-себе, локализации вместо *god’s trick* и релятивизма; колыбель для кошки.

²¹ *Ктулуцену нужен, как минимум, один лозунг (конечно, их должно быть больше); продолжая провозглашать: «Киборги за выживание Земли», «Бегай быстро, кусай сильно» и «Заткнись и тренируйся», я предлагаю «Делай свое племя, а не детей!»* (Харауэй, 2018) Таким образом, я могу резюмировать: теоретические фигуры Донны Харауэй — фигуры отнюдь не эвристические; они крайне политизированы в работе по необходимой перекодировке мира. Скорее, оппозиция между политикой и эвристикой также обыгрывается как несущая на себе дуалистический отпечаток: миф и реальность — лишь “материально-семиотическая решетка”, но не данность, — как и любые другие дуализмы.

Онтология киборга сформулирована, по факту, исторически — благодаря науке и технологии, но конкретно эта онтология становится субверсивной; бытие киборгом всегда политично (вспомним киборгов “реальной жизни”), политика формулируется эпистемологически — как “борьба за смыслы письма”, борьба за перекодировку мира. Эпистемология не может быть отделена от онтологии, поскольку новая эпистемологическая схема, которую конструирует Харауэй, всегда зависима от онтологии — то есть локализации познающего субъекта, типа “загрязнения” его знания - как и онтология зависима от эпистемологии: познание зависимо от существования также, как существование — от познания: “важно, какие истории рассказывают истории”, знание всегда не нейтрально, но политизировано, и наша задача быть начеку и обладать чуткостью в его производстве; важно, какие политические импликации производит наша эпистемология, обращаясь в политику, имеющую прямое отношение к “хрупкому существованию”. Скорее, речь идет о неразделимости. Именно и исключительно наша чуткость к онто-эпистемологическим позициям друг друга, наша открытость к со-мышлению способна перекодировать мир таким образом, чтобы он стал более гостеприимным для всех видов существования и более справедливым: это дело оппозиционных киборгов.

22

Карен Барад: квантовая онтология & агентный реализм

23 Теория *агентного реализма*, или *онто-эпистемологии* Карен Барад основывается на гибридации квантовой онтологии, вспахивающей линейную и предсказуемую онтологию классической физики, французского (пост)структурализма, обращенного к односторонней агентности культуры, но безмолвию материальности, а также (пост)феминистских/деколониальных исследований — или, скорее, их *дифракционном* прочтении/преломлении друг (через) друга (дифракция в данном случае отсылает к “неопределенной сущности границ” — как физическое явление, представляющее собой *свет внутри тьмы внутри света* (Барад, 2014). Интересна также этимология слова: *diffractus* с лат. — разломанный, переломанный, огибание препятствия волнами). Эти нестабильные, пограничные основания, прочтенные посредством друг друга в дифракционной картине теории/практики, позволяют переосмыслить природу материальности (и запутанность *природокультуры*), вытесненную репрезентационалистской логикой, которая представляет материю как инерционную и пассивную в своей гендеризированной метафизике и ее гендерных предикатов, ожидающей отметок культуры и языка, чтобы обрести существование (Барад, 2018).

24 Политике репрезентационализма, отсылающей к понятию *репрезентации мира вещей*, доступных исключительно через корреляции бытия и мышления — через агентности культуры/языка/etc — Барад противопоставляет природу действия, которая не является исключительно человеческой прерогативой, но *перформативной способностью материи*, исполняющей себя в динамизме *природокультуры* (запутанности природы/культуры, их неразделимости): материально-дискурсивных практик, речь о которых пойдет ниже. Ключевой вопрос состоит в возвращении (политического) значения (matter)

материи (matter) через признание ее способности к действию, а не эссенциального безмолвия (порожденного субъектно-объектными классическими эпистемологиями, формулирующими познание изначально предзаданным предзаданного), возвращении вытесненного: материальности в ее историйном (Делез) становлении, ее агентивной связности и неотделимости от со-конституирующих реальное дискурсивных практик, которые всегда уже материальны. *Материя, таким образом, противостоящая культуре как безмолвная, является результатом определенных практик, а не условием ее существования.* Так, материя у Барад понимается перформативно:

²⁵ *Перформативный подход настаивает на том, чтобы мышление, наблюдение и теоретизирование понимались как части мира, в котором мы существуем, как практики взаимодействия с ним* (Барад, 2018, 44) — что говорит также о неразличении теории и практики, снятии очередной дихотомии, осмысляющей природу действия и агентивность исключительно в связке с человеческим — проблематика различения теории и практики всегда упирается в вопрос: как практиковать теорию? как действовать политически? является ли теоретизирование практикой, и политической практикой? что такое действие вообще? — действующим явно политически (а политическое формулируется эпистемологически, как я выяснила у Харауэй), — и как единственные политические, то есть агентные акторы — через осмысление политического как оппозиции частному (*полис* в оппозиции к *ойкосу*, населенному не-вполнелюдьюми); феминистская теория всегда осмысляла весь мир как пронизанный политическими отношениями (Миллет, 2008; Hanisch, 2006) — и новый материализм радикализирует стратегический выбор второй волны феминизма в пользу политики, осмысляя мир как трепещущую агентную материальность (и можно предположить, что также в производстве политических отношений); Барад пишет: “теорией занимаются все” (Barad, 2012). Возвращаясь к неразличению, политикой занимаются все.

²⁶ Мир постоянно находится в становлении — через стабилизирующиеся эффекты материально-дискурсивных практик, находящихся в постоянных ре/конфигурациях, внутри которых *агентности наблюдения* также несут ответственность за производство объектов (корпускулярно-волновой парадокс) [в этом промежутке возможен разговор об этике]; учитывая, что человеческие агентности наблюдения вместе с *условно* наблюдаемым находятся в неразделимости *феномена* — базовой онтологической единице (Барад, 51). Субъект и объект исчезают; материя больше не является стабильно инертной предзаданностью, подвергающейся активному воздействию, она способна действовать сама. Объекты производятся в танце общей материальности (в спинозианской логике), точнее, производится *эффект границы* — через *агентные разрывы* (напр., наблюдения/измерения). Но эти разрывы производятся, опять же, не благодаря человеческой исключительности: дискурсивность всегда уже материальна, а материальность — всегда уже дискурсивна (Барад, 2018, 60-68).

²⁷ Таким образом, агентный реализм работает с множеством устоявшихся, стабилизированных, но не неизбежных дуалистических композиций, понятий не как присущее, эссенциальное, в то время как они являются следствием

определенных практик (субъект-объект как онто-эпистемологическая проблема, бытие/небытие, слово/вещь, живое/неживое, теория/практика, etc). Агентный реализм учитывает все возможные реляционности и агентности, не отдавая преимуществ ни одной из них, но ре/артикулируя природу демаркационных линий.

²⁸ Возвращение материальности имеет четкие политические импликации, *ведь граница между физическим и метафизическим также расплывчата*. Более ранние феминистские эпистемологии зачастую попадали в эпистемологическую ловушку (все те же социальный конструктивизм либо языковая опосредованность, агентность культуры в противовес немой материи, кантовская феноменальность / традиционный, либо стихийный бытовой реализм существования вещей как данности): с одной стороны, это возвращение телесности, вытесненных практик (Алла Митрофанова), материи и материальности любых жизненных процессов, но одновременно частого осмысления ее как пассивной (например, в крайне богатой традиции феминистской философии языка и ее аналитического ответвления, работающего на основаниях лингвистической относительности), ожидающей меток культуры / языка. Гендерированные предикаты метафизики остаются в безопасности, а феминистский материализм - по сути, идеалистическим. Как справедливо замечает Латур в своей статье “Извините, вы не могли бы вернуть нам материализм?”, мы вернулись к самому истоку,

²⁹ *под именем «материя» были объединены два совершенно различных концептуальных хода: во-первых, тот способ, которым мы продвигаемся к тому, чтобы получить в познании доступ к вещам, которые чрезвычайно удалены от нас или вовсе нам недоступны; во-вторых, способ, с помощью которого сами вещи делят свое существование.* (Латур, 2014, 267) То есть, материя не как действенная, обладающая собственной агентностью, но идеальная в своей пассивности и ожидании познающего субъекта. Мир остается, таким образом, платоническим вместилищем, абсолютной ньютоновской пространственностью, но не вибрирует сама по себе. *Мир остается однозначно разделенным на природу и культуру, активное и пассивное, колонизирующее и колонизируемое, естественное и искусственное, субъекта и объекта, мужское и женское, etc — встраиваясь в стройные ряды аристотелевской таблицы из “Метафизики” (Аристотель, 1934, 27). Квантовая онтология агентного реализма позволяет радикально переосмыслить дуалистические композиции дуалистические композиции онтологии и эпистемологии (и снять сам дуализм онтологии и эпистемологии, концептуализируя мир в его неразделимости наблюдателя и объекта (Барад, 2018, 109), осмысляя их как результаты определенных агентных разрывов и агентной делимости внутри феноменов (базовой запутанности условного наблюдателя и условного объекта): “агентно-реалистская онтология, — пишет Карен Барад, — не рассматривает разделенность как неотъемлемый признак мира, каков он есть” (Барад, 2018, 47). Барад развивает интуиции Нильса Бора относительно природы аппаратов (понимая их как аппараты производства телесности/материальности), означивая радикальную открытость будущего “на каждом шагу”, его недетерминированную вероятность.*

30 *Аппараты.* В чем заключается эта радикальная открытость? Барад, анализируя и концептуально усиливая природу аппаратов у Нильса Бора, понимает последние как *динамику материально-дискурсивных практик, динамику интраактивности*, агентности (agency, действия — но внутри-действия; не вступление некоторых предзаданных сущностей-объектов в отношения, но конституирование объектов внутри отношений — в отличие от интеракции): он не замкнут, но радикально открыт, он не заканчивается на собственных очертаниях (являющихся, скорее, оптической иллюзией, произведенной неким агентным разрывом — и здесь можно проследить интуиции Маха, повествующего скорее об обыденном удобстве такой мироразделенности (Мах, 2005); он процессуален, а не дискретен (как и мир в целом); аппарат всегда материально-дискурсивен (и он также является *практикой*, а не предзаданностью, т.е. частью еще большего феномена; дискурс же понимается фукольдиански: как поле возможных смыслов, оседающей историйности, а не репрезентационалистски — как языковые/речевые практики); он производит разрывы, устанавливая эффект границы внутри феномена (и, соответственно, не раз и навсегда: мир может быть другим, реальность может быть переконфигурована, пере-материализована), т.е. он производится и производит. С точки зрения Бора, аппарат *воплощает* теоретическое понятие, т.е. он дискурсивен (например, чтобы измерить импульс, необходим аппарат с определенным набором подвижных частей, а для того, чтобы измерить координату — подвижных; и конституировать различие, задействовав *агентную разделимость*), теоретическое понятие материально, оно воплощено: импульс и координата - это *материальные установки*. Но

31 *не просто человеческие идеи воплощены в аппаратах, но скорее аппараты являются дискурсивными практиками, где последние понимаются как специфические материальные реконфигурации, благодаря которым производятся объекты и субъекты.* (Барад, 2018, 61) *аппараты являются особыми материальными конфигурациями, а точнее динамическими реконфигурациями мира, посредством которых тела интраактивно материализуются. То есть аппараты представляют собой практики обретения материальности и значимости через которые конституируются умопостигаемость и материальность (наряду с исключенной областью того что не имеет значения).* (Барад, 2018, 89) Мир дифференцирует себя в практиках; это процесс обретения значимости и материальности; он осуществляется, не являясь предзаданным, находясь в постоянном становлении через интраактивность материально-дискурсивных практик. “Практики познания и бытия неотделимы друг от друга”. Онтология неотделима от эпистемологии; они обе неотделимы от этики: агентности наблюдения (всегда конкретно настроенные для определенного эксперимента) являются частью феномена, базовой изначальной запутанности, в которой являются неотделимыми от агентности материальности до тех пор, пока не будет произведен эффект границы; они находятся в условиях *внеположности изнутри*, а не абсолютной внеположности/разделенности, как принято в классической мета/физике. Агентные разрывы, задействуя агентную разделимость, производят саму реальность, конституируя область значимого, разрешая изначальную ситуацию *неопределенности*, исключая “то, что не имеет значения” в

конкретной интраакции. Онто-эпистемология становится этико-онто-эпистемологией: мы также *разделяем* ответственность за области исключения. Но конкретные интраакции не детерминируют мир; они локальны, и в паузе перед каждой мир радикально открыт для переконфигурации: материя всегда находится в процессе материализации в непрерывной дефференциации мира, его перформативности: тела постоянно (пере)материализуются. “Не познание данного, а конструирование возможного” (Алла Митрофанова, 2018, 21).

³² Мир конструирует, конфигурирует, материализует себя в перформативном этико-онто-эпистемологическом танце дискурсивности и материальности. Мир как модуляция общей материи; абсолютной внеположности не существует, существуют запутанности и неопределенности, ситуативно разрешаемые с помощью научных практик, всегда-уже-вовлеченных в динамику интраактивности. В самом деле, границы — это оптическая иллюзия (Харауэй, 2017): приближение объекта поставляет скорее *дифракционную картину*, чем четкую линию у своих границ.

³³ Ситуация абсолютной внеположности — безусловно, политическая ситуация. Ситуация детерминированности разрывов, осмысления мира как предзаданного и, как следствие, неизменного (где законы рынка работают как законы природы, а законы природы — как законы рынка). Демокритовскому атомизму, структурирующему либеральную логику индивидуальных частиц, обитающих в абсолютной пустоте, противостоит логика квантовая — со всеми ее политическими импликациями: пустота не пуста, но вакуум состоит из квантовых флуктуаций, связанных с виртуальными частицами, балансирующими на кромке не/бытия (Barad, 2012); объекты неотделимы от агентностей наблюдения (и более того, субъект и объект, волна и частица не существуют вне определенных практик); дифракционные картины — картины внеположности изнутри, высвечивающие светлое в темных областях, а темное в светлых и подвергающих сомнению существованию четких предзаданных границ (Barad, 2014); природа касания, связанная не с агрессивными электронами, отталкивающими друг друга, но электроны задействуют в себе виртуальные частицы, занимающиеся исследованиями возможного (Barad, 2012); дуалистические композиции, воспринимаемые как неотъемлемые свойства мира, *каков он есть на самом деле*, — результат определенных практик и материализаций (Барад, 2018). Реальность запутана, поскольку она не дана изначально. “Реальность, — пишет Алла Митрофанова, — технический объект, который пересобирается операциями” (Митрофанова, 2018, 25). Дуализм волн-частиц конструируется старой эпистемологической схемой, говорящей о *необходимости выбора* (Barad, 2014). Но нет никакого парадокса в том, чтобы быть сразу всем: ведь *один — это слишком мало, а два — слишком много* (Харауэй, 2005, 362)). Вместе с технологией Харауэй, квантовая онтология Барад “перемалывает” дуалистическое.

³⁴ Как я уже писала выше, квантовая логика требует новой эпистемологии, а онтология неотделима от практик познания. Как отмечает Барад в своей статье *Cutting together-apart*, *дифракция* обязана феминистским теориям о различии так же, как и физике; дифракция — это проблема дихотомности, “перемалывающая” эту проблему. Это позволяет нам простроить новые

генеалогии, вернуться, не возвращаясь (returning), но поворачиваясь (re-turning) к определенным узловым точкам феминистского осмысления различия: как мыслится, как помыслить различие, что позволяет помыслить разницу? Как осуществляется агентный разрез, удерживающий вместе, но недетерминировано порознь, удерживающий множественность-в-себе, а не только *разницу с кем-то*?

³⁵ Вопросы политик идентичности, в том числе (пост)феминистских, эссенций, сущностей — это квантовые вопросы: волна или частица? к какой культуре я принадлежу? какова моя сексуальная ориентация? как я отвечаю на вопрос “кто я”? существует ли идентичность — чья бы она ни была, как бы она ни реализовывалась — до определенных отношений, практик, складывания агентностей? Через что я себя дифференцирую?

³⁶ Различие должно быть помыслено не как противоположность сходству (что вновь заключает нас в бинарную логику: я/не-я, чистая внеположность), но как нестабильные отношения разницы-внутри (Barad, 2014, 169). (Де)колониальные субъекты удерживают это различие: “Я постоянно перехожу из одной культуры в другую, я нахожусь во всех сразу”, — пишет Trinh Minh-ha (Barad, 2014, 182). Я волна, я частица. Ни субъекта, ни объекта не существует до вступления в отношения; ни волны, ни частицы; новые эпистемологические схемы. Открытым остается вопрос, носящий крайне важный политический посыл: как осуществляются эти “отметки на телах”, через какие практики? Как и кто размечает границы? Какой вклад в материально-дискурсивные практики должны внести люди, какую *ответственность*, чтобы отношения различия-в-себе не приносили боли? Существование на границах, как мы поняли это благодаря Харауэй, всегда двойственное существование: субверсивное, но предельно опасное.

³⁷ Как бы то ни было, дифракционная картина удерживает это различие (различие-в-себе): *тьма внутри света внутри тьмы*. Известный бинарный код, вынутый из своих патриархальных этических импликаций, перестает быть проблемой: *тьма не является недостатком, но является избытком*. Тьма — первоначальное присутствие, а не отсутствие; что поворачивает (re-turning) нас к *узловым точкам* (агентно-реалистскому пониманию времени, “сейчас” как интраактивности): первоначальной тьме, матрице, матке, вынутой из эмпирических женщин (Ирина Аристархова, 2017), но существующих *внутри* женщин. Тьма, матрица, “потенциальная, зародышевая” не является вместилищем, но дышащей не-дихотомной материальностью-запутанностью. Пустота не пуста. Она материальна. Она состоит из бесконечных виртуальных частиц, запутанных в ней; она — плетение, постоянно находящееся в процессе материализации. Что говорит о взаимосвязанности, а не разделенности.

³⁸ Согласно квантовой теории поля, вакуум не может быть определенно ничем, поскольку принцип неопределенности допускает флуктуации квантового вакуума. (Barad, 2012, 14) Также, согласно КТП, частица неотделима от вакуума. Виртуальные частицы являются квантами вакуумных колебаний. Барад переосмысляет саму природу виртуальности, исходя из новой эпистемологической схемы: эти частицы не просто появляются и исчезают до

того, как мы можем их заметить, но ткнут теорию сами (“все занимаются теорией”): они являются “квантовыми неопределенностями в действии”, они балансируют на кромке процессуальной, а не дискретной онтологии, на грани бытия и небытия. Так, не/детерминированная, открытая пустота состоит из частиц, материально запутанных в ней, неотделенных, призрачных, бесконечных.

³⁹ *Ничто не является отсутствием, но бесконечным изобилием открытости.* (Barad, 2012, 16) И это изобилие, присутствие, избегающее бинарной *матрицы*, — оно гостеприимно, оно открыто, оно, — актуализируя и *связывая* феминистскую генеалогию, понятую не линейно, но как гостеприимные отношения разворачивающегося в материальном времени родства, — напрямую связано с практиками заботы и существования, на чьей стороне всегда была феминистская наука и феминистская этика; матрица не является пустотой, пустота больше не пуста; она наполнена, она пульсирует, а не вмещает в себя атомарных субъектов. В этом контексте интересно рассмотреть исследование матрицы философом Ириной Аристарховой.

⁴⁰ Ирина Аристархова, анализируя понятие матричного в своей монографии “Гостеприимство матрицы: философия, медицина, культура” рассматривает концептуализацию матрицы от античной до современной философий. Она показывает, каким образом матричное, понятое как вмещающее и пустое, изымается из этимологических и материальных связей с материнским, а также сопутствующих практик ответственности и заботы, и встраивается в фаллоцентричные космологические схемы, структурированные законами Отцов-мужчин. Но связь матрицы с материнским не утрачивается; женщина остается “матерью” и женщина становится *местом, вместившим, пустотой*, концептуализируясь как инкубатор в редукции к потенциальному материнству. Работа Аристарховой восстанавливает эту связь, осмысляя материнство не через ничто, принятое в гендерированной метафизике, противостоящее присутствию, не через эссенциальное и некритическое понимание природы, но как технологии заботы, принятия, ответственности и гостеприимства: материнство — это, в первую очередь, не вопрос “где помещается эмбрион?”, но “готов/а ли практиковать материнство через заботу и ответственность?”. Или, возможно, обращаясь к Барад, готов/а ли я развивать множественность-в-себе? Пространство является практикой; пустота не просто вмещает в себя атомарные частицы, замкнутые сами в себе, но является сложной запутанностью из них. Изначальная тьма не обладает моральными предикатами. Она порождает в динамике интраактивности. Матрица материальна. Она не подчинена бинарности я/не-Я, Я/Другой (а также классических научных моделей объективности), в которой сущность выстраивается через отталкивание/отторжение, структурирующей иммунологические/эмбриологические дискурсы о материнстве проецируемыми языками милитаризма и империализма.

⁴¹ Резюмируя, агентный реализм Карен Барад, ее квантовая онтология, дифракционно прочтенная через интуиции феминистских исследований и (пост)структурализма, радикально переосмысливает мир как становящийся, не предзаданный и способный к изменению. В первую очередь, это имеет крайне важное политическое значение: другой мир возможен, поскольку мир материален, агентен, материя постоянно находится в процессе

материализации и динамике интраактивности с агентностями наблюдения, мир не “разрезан” раз и навсегда; то, что существует сегодня — это не данность, мир постоянно себя дифференцирует, и мы также должны принять и разделить ответственность за то, каким мир может быть завтра: агентные разрезы, настройки аппаратов телесного производства, способность замечать все странное и неожиданное в своих (научных) практиках, открытость к признанию агентности материальности и других акторов вообще, признанию нашей материально-дискурсивной взаимосвязанности, а не разделенности, совместного становления как также перформативных частей мира вместо [политической] атомарности. Мы не подвисли в вакууме, но “материально запутаны” в нем. Такое вовлеченное осмысление мира приглашает к перепрочтению старой марсистской максимы: “Свободное развитие каждого является условием свободного развития всех” (Маркс, Энгельс, 1974, 47), — как принятия нашей глубокой взаимосвязи.

Библиография:

1. Аристархова И. Гостеприимство матрицы. Философия, биомедицина, культура. М.: Издательство Ивана Лимбаха, 2017.
2. Аристотель. Метафизика. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934.
3. Барад К. Агентный реализм. Как материально-дискурсивные практики обретают значимость // Опыты нечеловеческого гостеприимства. Антология / Под ред. Крамар М., Саркисов А. М.: V-A-C press, 2018. С. 42-122.
4. Беннет Дж. Пульсирующая материя. Политическая экология вещей. М.: HylePress, 2018.
5. Жеребкина И. Прочти мое желание. Постмодернизм. Психоанализ. Феминизм. М.: Идея-Пресс, 2000.
6. Иригарэ Л. Пол, который не единичен. // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / Под ред. Жеребкина С. — Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001.
7. Иригарей Л. Этика полового различия. М.: Художественный журнал, 2004.
8. Латур Б. Извините, вы не могли бы вернуть нам материализм? // Логос, 2014, №4.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М.: Издательство политической литературы, 1974.
10. Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. М.: Территория будущего, 2005.

11. Миллет К. Политика пола // Неприкосновенный запас, 2008, №4.
12. Митрофанова А. Киборг как код новой онтологии // Логос, 2018, №4.
13. Митрофанова А. “Киборганическая утопия” и онтология нового материализма // Практики и интерпретации, 2018, №3.
14. Мол А. Множественное тело. Онтология в медицинской практике. М.: HylePress, 2018.
15. Глостанова М. Деколониальные гендерные эпистемологии. М.: ООО «ИПЦ „Маска“», 2009.
16. Феминистская философия биологии [Электронный ресурс] // Brick of knowledge. URL: <https://brickofknowledge.com/articles/feminist-philosophy> (дата обращения: 11.06.2019)
17. Харауэй Д. Капиталоцен, Плантациоцен, Ктулуцен: создание племени // Художественный журнал, 2016, №99.
18. Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг.// Гендерная теория и искусство. Антология: 1970– 2000 /Под ред. К. Дипвелл, Л. Бредихиной. М.: Росспэн, 2005. С. 322–377
19. Харауэй Д. Тентакулярное мышление. Антропоцен, капиталоцен, хтулуцен // Опыты нечеловеческого гостеприимства. Антология / Под ред. Крамар М., Саркисов А. М.: V-A-C press, 2018. С. 180-228.
20. Barad K. Diffracting Diffraction: Cutting Together Apart // Diffracting Worlds, Diffractive Readings - Onto-Epistemology and the Critical Humanities, 2014
21. Barad K. On Touching — The Inhuman That Therefore I Am // differences, 2012, №3.
22. Barad K. What is the Measure of Nothingness? Infinity, Virtuality, Justice / Was ist das Maß des Nichts? Unendlichkeit, Virtualität, Gerechtigkeit // DOCUMENTA (13): 100 Notes – 100 Thoughts / 100 Notizen – 100 Gedanken | Book №099, 2012.
23. Haraway D. Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspectives // Feminist Studies, 1988, №3.
24. Hanisch C. The Personal Is Political [Электронный ресурс] // URL: <http://www.carolhanisch.org/CHwritings/PIP.html> (дата обращения: 11.06.2019)
25. Hester H. Technically Female: Women, Machines, And Hyperemployment [Электронный ресурс] // Salvage. 2016. 8th Aug. URL: <http://salvage.zone/in-print/technically-female-women-machines-and-hyperemployment/> (дата обращения: 11.06.2019)

Dualism in feminist epistemologies: D. Haraway, C. Barad

Lolita Agamalova

State Academic University for the Humanities

Russian Federation, Moscow

Abstract

The article is devoted to the study of dualistic thinking in the field of contemporary feminist criticism of traditional metaphysicians and new feminist ontologies / epistemologies. The philosophical and political genealogy of dualistic thinking and the methods of working with it in earlier feminist philosophies are highlighted. Using the philosophies D. Haraway and C. Barad as an example, it is shown that dualistic thinking establishes the parameters of our historical foundations, and also proves that there is a radical need for a complete revision of fundamental metaphysicians as dualistic

Keywords: dualisms, epistemology, ontology, Karen Barad, Donna Haraway, feminism, cyborg, agent realism, new materialism, Descartes

Publication date: 31.12.2019

Citation link:

Agamalova L. Dualism in feminist epistemologies: D. Haraway, C. Barad // Nauka.me – 2019. – Issue 2 [Electronic resource]. URL: <https://nauka.me/S241328880008051-0-1> (circulation date: 12.05.2024). DOI: 10.18254/S241328880008051-0

Код пользователя: 0; Дата выгрузки: 12.05.2024; URL - <http://ras.jes.su/nauka/s241328880008051-0-1> Все права защищены.